

Алексей БАТАЛОВ: «Для меня принять участие в картине — это как в разведку пойти: с кем попало не пойдёшь»

Актер и кинорежиссер Алексей Баталов родился 20 ноября 1928 года в семье актеров МХАТа. В 1950 году окончил Школу-студию МХАТ. В 1950—1953 годах играл на сцене ЦТСА, затем до 1958 года — во МХАТе. В кино дебютировал в 1954 году в фильме «Большая семья». Затем были главные роли в фильмах «Дело Румянцева» (1955), «Летят журавли» (1957), получившем «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах, «Девять дней одного года» (1962). Одной из самых ярких ролей стала его работа в фильме «Москва слезам не верит» (1980). Первой его работой в качестве режиссера стала экранизация повести Гоголя «Шинель» (1960). Затем были «Три толстяка» (1966), где он также сыграл одну из главных ролей, «Игрок» (1972) по роману Достоевского. С 1980 года он — профессор ВГИКа. Народный артист СССР, обладатель Государственной премии СССР за фильм «Москва слезам не верит», Государственной премии РСФСР за «Девять дней одного года». В этом году он возглавил премию «Ника».

своего выбора одного человека из двухсот?

— Это страшная ответственность. Отчасти успокаивает лишь то, что непоступление к нам не закрывает им дорогу в профессию. Но, конечно, мы оцениваем в основном степень подготовленности. Что будет дальше — кто знает? Бывает же так, что талант раскрывается не сразу, и бывает так, что куда-то все исчезает. Заранее предсказать, что выйдет из абитуриента, невозможно. Ну попробуйте себе представить, что из восемнадцатилетнего детеныша, пришедшего в Московский университет с рыбным ободом, вырастет Ломоносов. Это же невероятно.

— Разве не бывает так, что человек пришел, его увидели, сказали: «Ах!», и он победил?

— «Ах» бывает редко. Ведь в приемной комиссии сидят люди, которые кое-что повидали на этом свете. Да и вообще, ребята часто приходят просто попытаться счастья — «а вдруг?». Возьмите Смоктуновского, которого в актеры привел приятель. Вы знаете, что Кеша был одним из самых вгрызающихся и по-настоящему работающих актеров?

— Скорее, казалось, что он гений от природы.

— Так вот, перед тем, как появиться у Товстоногова в «Идиоте», он проделал огромную предварительную работу.

— На экране вы впервые появились вместе в «Девяти днях одного года». Ромм вас взял в картину вместе или порознь?

— Порознь. Мои родители давным-давно дружили с Роммом. Я лежал в больнице, когда получил от него письмо с приглашением попробоваться, и когда приехал в Москву, Кеша был уже выбран, и мы с ним в кабинете у Ромма даже репетировали какую-то сцену.

— Вы были самой интеллектуальной актерской парой советского кино, а Ромм — его самым большим интеллектуалом после Эйзенштейна...

— Михаил Ильич очень серьезно относился к этой картине, возлагал на нее большие надежды.

— Еще бы. После сталинских фильмов о Ленине и картонного «Убийства на улице Данте», ему нужно было реабилитироваться в глазах прогрессивной общественности. И этот фильм действительно сделал его, вас и Смоктуновского кумирами советской интеллигенции. Странно, что лично вы, имея такую популярность, с 1980-х годов практически перестали сниматься. Что произошло?

— Я могу работать только с очень близкими людьми, а это совсем другой тип отношений, чем принят в кино. В этом отношении я не тот наемный актер, который готов играть в любой команде. Для меня принять участие в картине — это как в разведку пойти: с кем попало не пойдешь. Тут дело не в выборе роли, а во взаимопонимании. И когда ушли люди, с которыми я чувствовал себя в своей тарелке, ушел и я.

По материалам информагентств.

— Вы согласились стать президентом первой Российской киноакадемии. Что значит для вас этот почетный пост?

— Академия «Ника» — это собрание людей, с которыми я работал и с которыми более удачно или менее удачно прошла моя жизнь. Сейчас они оказались благодаря развитию кино и телевидения в невероятно сложном положении. Плохо это или хорошо, но сейчас для кино наступил переломный момент. Кинематограф должен найти себе место в изменившемся мире. Когда в каждом доме есть экран, и часто не один, который предлагает огромное разнообразие новых развлечений, — все эти ток-шоу, игры, клипы, новости и так далее. Такова реальность, в которой мы оказались. Ориентироваться в ней значительно сложнее, чем раньше, особенно когда речь идет о привлечении внимания, о завоевании зрителя, о влиянии на души... В этой ситуации трудно приходится даже молодым и полным сил людям. В театре вы каждый день встречаетесь со зрителями и чувствуете их настроение, их реакцию. В кино совсем другое дело. Про успех или неуспех картины, в которой вы снялись, вы узнаете в лучшем случае через несколько месяцев, причем узнаете из прессы или, как сейчас, по кассовым показателям. Это большая редкость для киноактера — оказаться в обычном зале среди обычной публики и подышать вместе с ней. И когда кинематографисту дают какую бы то ни было премию, я счастлив, потому что в этом море найти и отметить какую-то роль и какую-то работу во много раз труднее, чем было, к примеру, десять лет назад. Если угодно, это мой человеческий долг тому, что когда-то составляло мою жизнь и жизнь моих друзей.

— Имеете ли вы возможность следить за современным кинопроцессом?

— По-настоящему не могу. Рядом с критиком или другим человеком, знающим кино, я просто человек с улицы. Так что я целиком полагаюсь на мнение академической элиты, которая в курсе событий.

— Что из того, что вы смотрели в последнее время, произвело на вас впечатление?

— «Остров». Не потому что он не похож на американское кино, а потому что это человеческое кино, показывающее переживания живых людей. И очень русское, насквозь пронизанное нашей культурой... Понравилась скупость художественных средств и редкая достоверность. Никаких ряженых, никакой искусственности. Подлинно кинематографическая игра. Видно, что тулуп — это тулуп, мокрые ноги — это мокрые ноги. Для кино это очень важно, особенно в эпоху бутафории, которая пришла с возможностями компьютерной обработки.

— Вы наблюдаете за российской актерской школой уже более полувека и более четверти века сами готовите актеров. Многие ли изменилось за это время?

— Ужас...

— В каком смысле?

— В том, что так долго не живут. Я вам так скажу: мы в отличие от Запада своих хвалить не умеем. Но любой иностранец вам скажет, что русская школа отличается от других особой не то что манерой, а внутренним наполнением, определить которое чрезвычайно трудно. «Это что-то очень рус-

потому что, пусть меня считают старым идеалистом, зимой спектакли идут иначе, чем весной и осенью. Эта бесконечная зависимость, если она собрана постановщиком в один кулак, очень помогает, но точно так же может и мешать. Такая вот палочка с двумя концами. С одной стороны, у актера сегодня больше выбор, чем раньше, — тут и кино, и телевидение, и театр, и антрепризы. С другой — в одном спектакле могут требовать одно, в другом — другое. Я не тороплюсь судить о молодых актерах, потому что очень многое зависит не от них.

— Через ваше экзаменационное «сито» проходит огромное число людей, которые хотят стать актерами...

— В прошлом году конкурс на актерское отделение во ВГИК был 210 человек на место! Никогда раньше такого не было. Жили в каменном веке — и вдруг оказа-

лись в Голливуде. Конечно, винювата болтовня вокруг нашей профессии — попал в институт, снялся в кино, огромный успех, легкая жизнь, туча поклонников и поклонниц.

— Насколько вы как экзаменатор уверены в правильности